

ОГАНОВА Н.В.,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СОЗДАНЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ, КНР И США

Аннотация. В условиях экспоненциального роста применения систем искусственного интеллекта (ИИ) в научно-исследовательской деятельности возникает фундаментальная правовая коллизия между классическими антропоцентричными концепциями интеллектуальной собственности и новым технологическим укладом.

Целью исследования является сравнительно-правовой анализ подходов к определению правообладателя и режима правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности (РИД), созданных с существенным участием ИИ, в контексте их последующей коммерциализации в Российской Федерации, Китайской Народной Республике и Соединенных Штатах Америки.

Научная новизна работы заключается в комплексном межотраслевом рассмотрении проблемы через призму авторского и патентного права, договорных моделей коммерциализации, а также вопросов деликтной ответственности.

Методология исследования основана на применении сравнительно-правового, формально-юридического и системного методов, а также метода правового моделирования.

В результате анализа выявлено, что, несмотря на наличие «правового вакуума» в отношении статуса РИД, созданных автономно ИИ, во всех трех юрисдикциях, их регуляторные ответы гетерогенны: США и РФ последовательно придерживаются антропоцентричной парадигмы, отказывая ИИ в правосубъектности, тогда как КНР демонстрирует гибкий инструментальный подход, ориентированный на стимулирование национальной индустрии.

Автором обоснован вывод о том, что для эффективной коммерциализации российских разработок необходима адаптация гражданского законодательства, включая закрепление презумпции правообладания за лицом, организовавшим использование ИИ, и развитие специальных договорных конструкций.

Ключевые слова: искусственный интеллект, интеллектуальная собственность, коммерциализация, результаты интеллектуальной деятельности, правообладатель, патентное право, авторское право, сравнительное правоведение, правовое регулирование ИИ, трансфер технологий.

OGANOVA N.V.,
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russia

LEGAL CHALLENGES TO THE COMMERCIALIZATION OF SCIENTIFIC RESULTS CREATED USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF RUSSIAN, CHINESE, AND US LEGISLATION

Annotation. With the exponential growth of artificial intelligence (AI) systems in scientific research, a fundamental legal conflict arises between classical anthropocentric concepts of intellectual property and the new technological paradigm.

The purpose of this study is a comparative legal analysis of approaches to determining the copyright holder and the legal protection regime for intellectual property (IP) created with significant AI involvement, in the context of their subsequent commercialization in the Russian Federation, the People's Republic of China, and the United States of America.

The scientific novelty of this study lies in its comprehensive, cross-sectoral examination of the issue through the lens of copyright and patent law, contractual commercialization models, and tort liability issues.

The research methodology is based on comparative legal, formal legal, and systemic methods, as well as legal modeling.

The analysis revealed that, despite the existence of a “legal vacuum” regarding the status of IP created autonomously by AI in all three jurisdictions, their regulatory responses are heterogeneous: the United States and Russia consistently adhere to an anthropocentric paradigm, denying AI legal personality, while China demonstrates a flexible, instrumental approach aimed at stimulating the domestic industry.

The author substantiates the conclusion that the effective commercialization of Russian developments requires the adaptation of civil legislation, including the recognition of the presumption of ownership by the party organizing the use of AI and the development of specialized contractual structures.

Key words: artificial intelligence, intellectual property, commercialization, intellectual property, rights holder, patent law, copyright, comparative law, legal regulation of AI, technology transfer.

Стремительная диффузия технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ) в научно-исследовательскую деятельность порождает революционные изменения в эпистемологии и методологии генерации знаний.

Современные системы ИИ демонстрируют способность не только решать сугубо вычислительные задачи, но и формулировать научные гипотезы, моделировать эксперименты, синтезировать новые химические соединения и генерировать программный код.

Данное обстоятельство стирает грань между инструментом исследования и его квазисубъектом, ставя перед правом фундаментальный вопрос об идентификации правообладателя результата, созданного машиной.

Неопределенность правового статуса подобных РИД является ключевым барьером, блокирующим инвестиции и заключение лицензионных соглашений [1].

Гражданское законодательство РФ уже сейчас содержит предпосылки для неоднозначного толкования. Согласно п. 1 ст. 1259 ГК РФ, перечень объектов авторских прав не является исчерпывающим, однако ключевым критерием охраноспособности выступает творческий характер труда человека [5].

Как разъясняется в судебной практике, «само по себе отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности результата интеллектуальной деятельности не может свидетельствовать о том, что такой результат создан не творческим трудом и, следовательно, не является объектом авторского права» (п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10).

Однако п. 5 ст. 1259 ГК РФ прямо исключает из-под охраны идеи, концепции и методы, что

создает серую зону для результатов, генерируемых алгоритмами.

Аналогичная коллизия наблюдается и в патентном праве: согласно п. 5 ст. 1350 ГК РФ, открытия, научные теории и математические методы не относятся к изобретениям, а программам для ЭВМ предоставляется охрана лишь как литературным произведениям. Авторами подобных объектов *de facto* уже сейчас выступает ИИ, однако отсутствие прямого регулирования оставляет данную сферу без эффективных механизмов защиты.

Целью настоящего исследования является выявление правовых пробелов и коллизий в регулировании создания и использования РИД, созданных с применением ИИ, в законодательстве России, КНР и США, а также разработка на этой основе предложений по совершенствованию российского правового поля.

Методологический каркас исследования составляет сочетание классических и современных правовых методов.

Сравнительно-правовой метод применен для синхронного анализа подходов РФ, КНР и США к регулированию статуса РИД, созданных ИИ.

Формально-юридический метод использован при толковании норм ГК РФ, патентного законодательства США (Title 35 U.S. Code) и законодательства КНР.

Системный метод позволил рассмотреть проблему в межотраслевом контексте, установив взаимосвязи между институтами авторского права, патентного права и договорного регулирования. Также применялись методы правового моделирования для разработки предложений *de lege ferenda* (закон, каким он должен быть).

Сравнительно-правовой анализ позволяет выделить три магистральных подхода к решению проблемы правообладания.

Первый — антропоцентричный подход, доминирующий в западном правовом дискурсе. Он постулирует, что правообладателем может быть исключительно физическое лицо, чьим творческим трудом создан результат.

Если вклад человека признается недостаточным (субъект лишь инициировал процесс), результат объявляется общественным достоянием.

Именно этой позиции последовательно придерживаются Ведомство по патентам и товарным знакам США (USPTO) и Европейское патентное ведомство (ЕПО), отказывая в регистрации изобретений, где в качестве изобретателя указан ИИ (см. дело о проектах DABUS) [2, с. 49].

Второй — инструментальный подход, ориентированный на защиту инвестиций и организации процесса. В его рамках правообладателем признается лицо (физическое или юридическое), которое инвестировало ресурсы в создание, обучение и применение ИИ, организовало его работу и несет сопряженные с этим риски. Данный подход представляет наибольшую прагматическую ценность для целей коммерциализации, поскольку создает ясного и правоспособного субъекта оборота.

Третий — радикальный подход, предполагающий наделение продвинутых систем ИИ статусом «электронного лица» с возможностью первоначального обладания правами.

На текущий момент ни одна юрисдикция не имплементировала эту модель в позитивное право ввиду ее философско-правовой спорности и сложности реализации механизмов ответственности [7, с. 210].

Законодательство РФ не содержит специальных норм о РИД, созданных ИИ. Применяются общие положения части четвертой ГК РФ.

Статья 1228 ГК РФ императивно закрепляет антропоцентричную парадигму, признавая автором исключительно гражданина, творческим трудом которого создан результат.

В патентном праве (ст. 1347 ГК РФ) изобретателем может быть указано только физическое лицо. Если ИИ самостоятельно, без творческого вклада человека, предложил патентоспособное техническое решение, оно не может быть запатентовано.

В авторском праве (ст. 1257 ГК РФ) результат, сгенерированный ИИ по формальному алгоритму без вмешательства человека, не признается объектом авторского права.

Таким образом, возникает фундаментальная проблема для коммерциализации: если вклад человека минимален (например, он лишь задал

исходные параметры), полученный результат является неохраноспособным, что создает риск оспаривания сделок или признания актива ничтожным.

Подход США концептуально схож с российским, однако дифференцируется за счет развитой судебной практики и доктрины «work made for hire».

Патентное законодательство (Title 35 U.S. Code) требует, чтобы изобретателем (inventor) было физическое лицо. В прецедентных делах 2019–2022 гг. по заявкам системы DABUS федеральные суды последовательно подтвердили, что машина не может быть изобретателем [3, с. 161].

Бюро по авторским правам США (U.S. Copyright Office) также четко указывает, что охрана предоставляется только произведениям человека.

Отличие от РФ состоит в том, что доктрина «работы по найму» и развитые договорные механизмы позволяют компаниям более эффективно закреплять права на результаты, полученные сотрудниками с использованием корпоративных ИИ-систем.

Однако проблема результатов, созданных автономно ИИ, остается нерешенной и в этой юрисдикции.

Китайская Народная Республика (КНР) демонстрирует наиболее гибкий и прагматичный подход, ориентированный на опережающее развитие индустрии ИИ.

Формально нормы Закона об авторском праве и Патентного закона КНР также базируются на антропоцентричной модели, однако правоприменительная практика эволюционирует в сторону инструментального подхода.

Знаковым стал прецедент 2019 года, когда суд Шэньчжэня по делу о статье, сгенерированной ИИ, признал авторские права за компанией-разработчиком ИИ, аргументировав это инвестициями и организацией процесса [10, р. 78].

Кроме того, введение в августе 2023 года «Временных мер управления генеративным ИИ» создало первую в мире систему регулирования для ИИ-генераторов, обеспечив бизнесу правовую определенность для коммерциализации [6, с. 79].

Китайское ведомство по интеллектуальной собственности (CNIPA) также активно использует ИИ для ускорения экспертизы заявок и тестирует блокчейн-системы для фиксации авторства. Все это делает правовую среду КНР предсказуемой для инвесторов: компания, инвестирующая в ИИ, с высокой долей вероятности будет признана правообладателем генерируемых результатов, что упрощает привлечение финансирования.

Далее рассмотрим практические аспекты и риски коммерциализации.

Анализ эмпирических данных показывает, что лидирующие позиции КНР в коммерциализации ИИ-решений во многом обусловлены целенаправленной государственной стратегией «AI for Science» и функционированием пилотных зон (Шэньчжэнь, Шанхай) с упрощенными процедурами pre-market approval для ИИ-медицины и быстрой передачи технологий [8, с. 152].

Все это привело к ощутимым результатам в области коммерциализации РИД.

Так, компания «Insilico Medicine» (базируется в Гонконге и имеет R&D в Шанхае) в 2024 году начала клинические испытания второго препарата, полностью разработанного с помощью ИИ (первый в мире подобный случай). Их платформа использует генеративные adversarial networks (GAN) для создания молекул-кандидатов.

В свою очередь, Huawei Cloud и Китайская академия наук создали платформу для скрининга новых материалов для аккумуляторов и полупроводников. В 2023 году с её помощью было запатентовано несколько новых композитов с сокращением времени разработки на 70%.

В Китае активно тестируют систему на блокчейне для фиксации авторства и траектории разработки ИИ-проектов. Это помогает в спорных ситуациях и повышает доверие инвесторов.

А Китайское ведомство по ИС (CNIPA) использует ИИ для ускорения экспертизы заявок в области ИИ-технологий.

В России тоже уже сейчас появляются результаты в области коммерциализации РИД.

По итогам первого полугодия 2025 года финансовый эффект для Сбера от внедрения генеративного искусственного интеллекта в свои процессы составил почти 30 млрд руб.

В конце 2025 года Сбер представил новую линейку моделей Kandinsky 5.0 для генерации изображений и видео, которые также появились в открытом доступе. В компании отметили, что новая линейка нейросетевых моделей стала крупнейшей open-source проектом Европы.

Указом Президента РФ от 15.02.2024 №124 — обновлена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года.

Главная задача стратегии — обеспечить технологический суверенитет и встроить ИИ в ключевые сферы. Стратегия фокусируется на формировании условий, при которых ИИ становится повседневным и масштабируемым инструментом, доступным для бизнеса, исследователей и государства.

Для сравнения: в России, согласно исследованиям НИУ ВШЭ, лишь 5,2 % организаций производят товары и услуги с элементами ИИ, а общий объем реализованных ИИ-решений в 2023 г. составил 32,4 млрд руб. (0,7 % от общего объ-

ема отгрузки), причем доминируют услуги (82,7 %), тогда как на собственно первичные ИИ-модули приходится лишь 1,0 %.

Неопределенность правового режима порождает следующие ключевые риски:

- во-первых, риск неохраноспособности, при котором инвестор не может быть уверен, что приобретаемый актив защищен законом;
- во-вторых, риск оспаривания прав со стороны программистов, обучавших ИИ;
- в-третьих, проблема распределения доходов, затрудняющая заключение лицензионных договоров.

В этих условиях основная нагрузка ложится на договорное право. Участники оборота вынуждены детально прописывать в соглашениях о разработке и лицензировании положения, идентифицирующие круг результатов, созданных с использованием ИИ, определяющие момент перехода прав и разграничивающие ответственность за использование нелегальных данных для обучения. В частности, это следующие положения:

- 1) какие результаты признаются созданными с использованием ИИ;
- 2) кто и при каких условиях становится правообладателем;
- 3) порядок распределения доходов от коммерциализации;
- 4) разграничение ответственности за возможные нарушения прав третьих лиц (например, если ИИ при создании результата использовал нелегально полученные данные).

Сравнительный анализ показывает, что Россия, как и США, занимает консервативные антропоцентрические позиции, что в условиях глобальной технологической конкуренции создает риски отставания.

Для стимулирования коммерциализации РИД, созданных с применением ИИ, необходима адаптация законодательства по модели, близкой к китайской, но с учетом российской правовой традиции:

1. Законодательное закрепление презумпции правообладания. Предлагается ввести в ГК РФ норму, согласно которой правообладателем РИД, созданного с использованием ИИ, признается лицо, организовавшее его применение для творческой или изобретательской деятельности, при условии несения им рисков и осуществления значительных инвестиций. Данная презумпция должна применяться в случаях, когда специфический творческий вклад человека не может быть персонифицирован.

2. Введение специального режима охраны. Целесообразно ввести уведомительную регистрацию подобных РИД в Роспатенте по модели

«sui generis», что повысит правовую определенность и облегчит бремя доказывания в суде.

3. Развитие договорных конструкций. Необходимо разработка типовых договорных моделей (лицензионный договор, договор об отчуждении исключительного права на технологии, созданные ИИ), которые снизят транзакционные издержки участников рынка.

Реализация этих предложений позволит перейти от догоняющего регулирования к опережающему, создав благоприятные условия для интеграции российских разработок в глобальную инновационную экономику.

Список литературы:

[1] Абашкин В.Л., Ковалева Г.Г. Распространение искусственного интеллекта в отраслях экономики и социальной сферы // НИУ ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/news/1091369132.html> (дата обращения: 05.01.2026).

[2] Астапенко П. Сравнительный анализ правового регулирования искусственного интеллекта в России, Китае, США и Европейском Союзе // Закон и право. — 2025. — № 6. — С. 47–54.

[3] Базаркина Д.Ю., Пашенцев Е.Н., Михалевич Е.А. Регулирование рисков, связанных со злонамеренным использованием искусственного интеллекта в США, ЕС и Китае // Современная Европа. — 2024. — № 6 (127). — С. 156–167.

[4] Белоусов А.А. Регулирование генеративного искусственного интеллекта в иностранных юрисдикциях и России: сравнительно-правовой анализ // Юридические исследования. — 2025. — № 7. — С. 13–28.

[5] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 52 (1 ч.). — Ст. 5496.

[6] Касихин Л. Правовое регулирование искусственного интеллекта в Китае // Закон и власть. — 2025. — № 6. — С. 77–81.

[7] Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2018. — 420 с.

[8] Солоненко Д.Ю. Правовое регулирование искусственного интеллекта в России и Китае: сравнительный анализ // Право и политика. — 2026. — № 2. — С. 144–155.

[9] Федеральный закон от 08.07.2024 № 169-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Феде-

рации»» // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 29. — Ст. 4112.

[10] Zhang G. The Rise of Artificial Intelligence and the Legal Protection of AI-Generated Works: A Chinese Perspective // Journal of World Intellectual Property. — 2023. — Vol. 26 (1). — P. 75–95.

[11] Ethics Guidelines for Trustworthy AI, Ministry of Science and Technology of the People's Republic of China, 2022.

References:

[1] Abashkin V.L., Kovaleva G.G. Spread of Artificial Intelligence in the Economic and Social Sectors // HSE University. URL: <https://issek.hse.ru/news/1091369132.html> (accessed: 05.01.2026).

[2] Astapenko P. Comparative Analysis of Legal Regulation of Artificial Intelligence in Russia, China, the USA, and the European Union // Law and Right. - 2025. - No. 6. - Pp. 47-54.

[3] Bazarkina D.Yu., Pashentsev E.N., Mikhailovich E.A. Regulation of Risks Associated with Malicious Use of Artificial Intelligence in the USA, EU, and China // Modern Europe. - 2024. - No. 6 (127). - Pp. 156-167.

[4] Belousov A.A. Regulation of Generative Artificial Intelligence in Foreign Jurisdictions and Russia: A Comparative Legal Analysis // Legal Research. — 2025. — No. 7. — Pp. 13–28.

[5] Civil Code of the Russian Federation (Part Four) of 18.12.2006 No. 230-FZ (as amended on 28.04.2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2006. — No. 52 (Part 1). — Art. 5496.

[6] Kasikhin L. Legal Regulation of Artificial Intelligence in China // Law and Power. — 2025. — No. 6. — Pp. 77–81.

[7] Morhat P.M. Legal capacity of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law issues: dis. ... Doctor of Law. - Moscow, 2018. - 420 p.

[8] Solonenko D.Yu. Legal regulation of artificial intelligence in Russia and China: a comparative analysis // Law and Politics. - 2026. - No. 2. - Pp. 144-155.

[9] Federal Law of 08.07.2024 No. 169-FZ “On Amendments to the Federal Law “On Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital Innovations in the Russian Federation”” // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2024. - No. 29. - Art. 4112.

[10] Zhang G. The Rise of Artificial Intelligence and the Legal Protection of AI-Generated Works: A Chinese Perspective // Journal of World Intellectual Property. — 2023. — Vol. 26(1). — P. 75–95.

[11] Ethics Guidelines for Trustworthy AI, Ministry of Science and Technology of the People's Republic of China, 2022.

